

Гу Яньлин прожил на свете достаточно долго, но, по правде говоря, еще никогда не встречал человека, чьи мысли было бы так трудно разгадать и чье истинное настроение оставалось бы такой глубокой тайной.

Однако сейчас он всеми силами стремился угодить этой высокопоставленной особе, поэтому, раз Сяо Синхань хранил молчание, он послушно и тихо стоял в стороне, не смея нарушить тишину.

Весь остаток дня Сяо Синхань не проронил ни единого слова. Он то медленно пробовал чай, то погружался в игру в шахматы, словно Гу Яньлина здесь вовсе не существовало. Гу Яньлин же, наблюдая за этим, пришел к выводу, что образ жизни этого господина донельзя скупен и однообразен. На лице он, разумеется, этого не показывал, стараясь сохранять подобающее выражение, но мелкие, произвольные движения выдавали его истинные чувства.

Все те попытки размять затекшие ноги, осторожно постучать по пояснице или едва заметно потоптаться на месте, которые он совершал, искренне полагая, что остается незамеченным, вовсе не укрылись от внимательного взгляда Сяо Синханя.

Сам же Гу Яньлин был уверен, что ведет себя крайне скрытно и незаметно, и в глубине души недовольно ворчал: «Надо же, как эти чиновники любят пускать пыль в глаза и напускать на себя важность. Какой вообще смысл сидеть в комнате и играть в шахматы самому с собой?»

- Умеешь играть?

Гу Яньлин, неожиданно услышав голос важной персоны, рефлекторно выпрямился, словно солдат на плацу, а затем, воспользовавшись моментом, поспешно плюхнулся на стул напротив Сяо Синханя:

- Умею!

Сяо Синхань не стал упрекать его за подобную невоспитанность и резкость, а лишь коротким жестом предложил составить ему партию. Гу Яньлин, впрочем, был никудышным игроком: мастерство его было более чем посредственным, к тому же он имел пагубную привычку пытаться схитрить там, где требовался расчет.

Подумав, что раз уж такая важная персона сама пригласила его поиграть, нужно выложиться по полной и показать себя с лучшей стороны, он взял белую фигуру и сделал первый ход. Каждый последующий шаг он обдумывал снова и снова, с предельной серьезностью, всем своим видом демонстрируя, что намерен победить во что бы то ни стало.

Не прошло и половины палочки благовоний, как Сяо Синхань уже полностью раскусил его истинный уровень. Опустив взгляд, он с легким интересом наблюдал, как Гу Яньлин с максимально сосредоточенным лицом то осторожно кладет фигуру на доску, то тут же, передумав, забирает ее обратно. Принц не торопил его, позволяя мучиться в раздумьях.

Наконец, после долгих и мучительных колебаний, Гу Яньлин сделал ход. Остановившись на нем, он довольно поднял глаза и тут же встретился с глубоким, как темный омут, взглядом Сяо Синханя. Он поспешно, почти испуганно заморгал и поторопил собеседника:

- Господин, ваш ход.

Сяо Синхань ответил быстро. При том уровне мастерства, что был у Гу Яньлина, он в реальности не смог бы продержаться и одного хода против наследного принца. Но он, совершенно не осознавая собственной бездарности, до самого конца, пока его не разгромили в пух и прах, втайне радовался, полагая, что его навыки якобы выросли. Он искренне верил, что игра идет на равных, совершенно не подозревая, что противник намеренно поддается ему.

Однако Гу Яньлин не наелся игрой и, чувствуя прилив азарта, предложил:

- Господин, может, еще партию?

Сяо Синхань равнодушно бросил черную фигуру в нефритовый сосуд:

- Нет.

Гу Яньлин ничуть не расстроился. Он легко встал со своего места и с почтительным видом подал Сяо Синханю свежий чай:

- Господин, выпейте чаю.

Сяо Синхань принял чашку, а Гу Яньлин, воспользовавшись моментом, бесшумно зашел к нему за спину:

- Господин, плечи не затекли? Может, мне размять их вам?

Сяо Синхань коротко ответил:

- М-м.

Услышав это, Гу Яньлин предвкусно пошевелил пальцами, разминая их, и мягко положил руки на плечи Сяо Синханя. Умело и точно нажимая на точки в области шеи и плеч, он вкрадчиво спросил:

- Господину приятно?

Сяо Синхань отозвался:

- Сносно.

Гу Яньлин осторожно убрал руки с его плеч и, наклонившись, прошептал прямо на ухо:

- Господин, закройте глаза, я разомну вам виски.

Выражение лица Сяо Синханя осталось неизменным - он не сказал ни «да», ни «нет». Гу Яньлин решил, что это молчаливое согласие. Он приложил подушечки пальцев к вискам Сяо Синханя. В основном он предложил это потому, что разминать плечи было довольно утомительно, а массировать виски - легко и просто. Как бы сильно он ни хотел угодить господину, перетруждаться сверх меры он не собирался.

Пальцы у Гу Яньлина были мягкими, а движения - легкими и нежными. Хотя внешне он и не блистал, от него исходил едва уловимый, тонкий аромат, который сильно отличал его от других слуг, привыкших к тяжелому физическому труду.

Сяо Синхань прошлой ночью почти не смыкал глаз, и теперь, под воздействием такой заботливой и умелой терапии, его внезапно и непреодолимо начало клонить в сон.

Помассировав некоторое время, Гу Яньлин, почувствовав, что дело идет слишком гладко, решил немного схалтурить и облегчить себе задачу. Он осторожно высунулся из-за спины господина и тихонько, почти шепотом, прощупал почву:

- Господин?

- Продолжай, - холодно и коротко произнес Сяо Синхань.

Гу Яньлин лишь обреченно замолчал, не найдя, что ответить на этот приказ, и вернулся к своим занятиям.

Снаружи солнце уже медленно клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона. Гу Яньлин с самого полудня почти ничего не ел, и теперь его живот начал требовательно и громко урчать. Вероятно, звук оказался слишком отчетливым даже в тишине кабинета, потому что Сяо Синхань внезапно открыл глаза. Только что он явно пребывал в полудреме, но теперь на его лице не осталось и следа усталости - взгляд снова стал ясным и пронзительным.

Гу Яньлин тут же поспешно убрал руки:

- Господину не пора ужинать?

Сяо Синхань медленно поднялся, и Гу Яньлин, стараясь не отставать, поспешно последовал за ним. Он открыл дверь кабинета изнутри, и увидел, что Ли Юфу всё это время терпеливо ждал снаружи. Гу Яньлин едва заметно улыбнулся ему, совершенно не в силах скрыть торжество и легкое хвастовство в глазах.

Ли Юфу, впрочем, полностью проигнорировал его безмолвное бахвальство. Он сухо приказал нескольким младшим евнухам немедленно принести ужин, а затем направился следом за наследным принцем в передний зал. Гу Яньлин, стараясь держаться неприметно, пошел вместе с ними.

Когда изысканные блюда расставили по столу, Гу Яньлин невольно нахмурился. Он никак не ожидал, что эта важная персона окажется настолько расточительной: для одного-единственного человека накрыли невероятно богатый стол, уставленный редкими деликатесами. Ли Юфу стоял рядом и сосредоточенно раскладывал еду по тарелкам. Сяо Синхань же ел крайне мало: он делал по несколько глотков из каждого блюда, не больше и не меньше, и по его бесстрастному виду нельзя было сказать, что ему что-то особенно понравилось.

Этот неспешный и молчаливый ужин растянулся примерно на полчаса.

Сяо Синхань прополоскал рот чаем, а затем встал, чтобы вымыть руки. Гу Яньлин стоял ближе

всех, но в какой-то момент вдруг замер и не стал подавать полотенце. Ли Юфу, заметив это, хотел было дать парню шанс проявить себя и исправить оплошность, но, увидев, что тот внезапно стал словно деревянным, был вынужден сам подать полотенце Его Высочеству.

Стол убрали очень быстро и бесшумно.

Сяо Синхань снова отправился в свой кабинет, но на этот раз Гу Яньлин не пошел за ним. Ли Юфу бросил на него многозначительный взгляд, но в присутствии Его Высочества предпочел ничего не говорить.

Гу Яньлин был голоден как стая волков. К тому же, считая Сяо Синханя излишне расточительным, он всерьез засомневался в том, насколько этот человек вообще пригоден для государственной службы и является ли хорошим чиновником, поэтому решил больше не навязываться. Как только он вышел из внутреннего двора, то почти сразу столкнулся с Чан Фэном.

Чан Фэн весь день пребывал в сильном беспокойстве за него. Увидев, что тот наконец-то вышел, он поспешно, почти силой, потащил его в беседку, находившуюся неподалеку.

- Брат Чан Фэн, ты сам-то знаешь, что у тебя такая силища? - воскликнул Гу Яньлин, пытаясь высвободиться.

Глядя на него, Чан Фэн всегда чувствовал, что этот парень такой же толстокожий и беспечный, как и он сам. Он наконец разжал пальцы, сжимавшие плечо друга:

- Прости. Что вы с господином делали весь день в кабинете?

Гу Яньлин в этот момент подумал, что быть слугой - дело вовсе не из легких: поясница ноет, спина болит, и всё тело ломит от напряжения. Он с облегчением плюхнулся на каменный табурет и начал с силой колотить себя по ногам, разгоняя застой в мышцах:

- Чай пили, в шахматы играли.

Чан Фэн невольно замолчал, глядя на него с недоумением:

- ...Ты что, еще и в шахматы играть умеешь?

Гу Яньлин с возмущением ответил:

- Опять ты меня недооцениваешь! Я играю просто отлично, просто в этот раз один раз оступился, вот господин и выиграл с минимальным перевесом.

Чан Фэн, услышав эти самоуверенные слова, с явным сомнением переспросил:

- Господин выиграл с минимальным перевесом?

Мастерство наследного принца в шахматах было настолько феноменальным, что даже его наставник не мог с ним сравниться, и мысль о «минимальном перевесе» казалась абсурдной.

Гу Яньлин лишь гордо хмыкнул:

- Конечно!

Чан Фэн посмотрел на него с нескрываемым скепсисом и переспросил:

- Ты что, весь день только и делал, что играл с господином?

Гу Яньлин, ничуть не смутившись, ответил:

- Нет, не только. Еще плечи ему разминал и виски массировал, чтобы господин мог полноценно отдохнуть.

Чан Фэн замер, и в повисшей тишине стало ясно: внешность действительно обманчива. Его Высочество никогда и ни при каких обстоятельствах не позволял никому разминать себе плечи или спину. Даже в стенах Восточного дворца он всегда держался предельно сдержанно, сохраняя безупречное достоинство и дистанцию, и уж тем более было немыслимо, чтобы он позволил кому-то прикасаться к своему лицу и массировать виски.

Гу Яньлин, разумеется, совершенно ничего этого не знал и, заметив странную реакцию друга, недоуменно спросил:

- Что у тебя за выражение лица? Ты чего так смотришь?

Чан Фэн хотел было что-то ответить, но вовремя осекся. Он не мог раскрыть истинный,

благородный статус Сяо Синханя – наследного принца Восточного дворца. Если бы тот действительно так бесцеремонно «обслуживал» Его Высочество, то, пожалуй, в самый короткий срок лишился бы собственной головы.

- Раз уж ты так самоотверженно и хорошо прислуживал господину, – осторожно начал Чан Фэн, – почему же ты вышел от него с таким недовольным и кислым видом?

Гу Яньлин осторожно огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, заговорщицки поманил Чан Фэна к себе:

- Подойди-ка ближе.

Заинтригованный Чан Фэн наклонился, и Гу Яньлин, понизив голос до шепота, доверил ему свою тайну:

- Просто я считаю господина невыносимо расточительным! Представь себе: он ужинал в полном одиночестве, а велел кухне накрыть такой огромный стол, что еды хватило бы на целую компанию! К тому же он почти ничего не съел. Столько прекрасных продуктов просто перевели впустую!

Раз он настолько расточителен, может ли он вообще быть порядочным человеком? Для Гу Яньлина всё стало очевидным: этот господин, скорее всего, такой же, как тот продажный чиновник, и наверняка занимается всякими непотребствами за закрытыми дверями. Наверное, в обычное время он безжалостно обирает простой народ, иначе откуда бы взялась такая запредельная роскошь?

Чан Фэн, слушая эти праведные возмущения, пребывал в полном замешательстве. Он не знал, как объяснить другу, что рацион наследного принца всегда был подобным по своему богатству, а остатки еды никогда не пропадали даром – их с благодарностью доедали младшие евнухи Ли Юфу.

Гу Яньлин же продолжал размышлять: раз уж эта важная персона приехала в Янчжоу с официальной проверкой, а весь день ничего не делает, кроме того что пьет чай, играет в шахматы да заставляет себя массировать, значит, он настоящий любитель праздности и наслаждений! Чем больше он обдумывал ситуацию, тем сильнее убеждался, что совершил роковую ошибку, решив привязаться к этому человеку. Этот господин, скорее всего, заодно с тем самым продажным чиновником, так разве станет он искренне избавлять народ от бед и несправедливости?

«Мне нужно искать другой путь, - решил Гу Яньлин. - Я не собираюсь и дальше тратить свое драгоценное время на этого человека. Кто хочет - пусть тот и прислуживает ему до конца своих дней!»

Чан Фэн с удивлением увидел, как Гу Яньлин резко вскочил с места:

- Что ты задумал?

- Проголодался, - просто ответил Гу Яньлин. - Я ведь так и не поужинал.

Чан Фэн с сомнением спросил:

- Значит, ты больше не собираешься прислуживать господину?

Гу Яньлин решительно отрезал:

- Хватит, не буду. Да и прислуживаю я, если честно, довольно плохо.

Чан Фэн, видя, что тот сам решил сдаться и оставить эту затею, с облегчением вздохнул:

- Ну, иди тогда поешь, и выбрось из головы все эти глупости.

Гу Яньлин был всего лишь наемным работником в поместье и не подписывал никакого контракта о продаже в рабство, так что формально он оставался свободным человеком. Плотно поев в городском ресторане, он, однако, решил, что не может просто так уйти - напоследок нужно было как-то проучить Сяо Синханя.

В конце концов, нельзя же было прислуживать совершенно задаром!

Поздним вечером Гу Яньлин, не желая втягивать в свои авантюры Чан Фэна, обошел его стороной и разыскал Ли Юфу, принеся ему небольшой пакетик с закусками.

Ли Юфу искренне удивился:

- О, это мне?

Гу Яньлин принял максимально раскаявшийся и искренний вид:

- Прошу прощения за мои сегодняшние дерзкие слова и нетактичность.

Ли Юфу не стал отказываться от угощения, принял подарок и, смягчившись, сказал:

- Если ты действительно хочешь прислуживать господину, тебе нужно проявлять больше смекалки и предусмотрительности. Например, когда подаешь еду, не смей спрашивать о предпочтениях - просто молча клади по три-четыре кусочка каждого блюда. Сразу после ужина подавай чай для полоскания рта, а как только господин помоеет руки - мгновенно подавай полотенце.

Гу Яньлин слушал его, но в мыслях лишь недовольно ворчал: «Ну и заносчивость! Подумаешь, какой-то чиновник! Любит же он наслаждаться комфортом! У него что, рук нет, раз он требует такого фанатичного обслуживания?»

Ли Юфу, заметив, что взгляд парня стал отсутствующим, понял, что тот витает в облаках и совершенно не слушает наставления. Однако, видя, что Гу Яньлин каким-то чудом смог продержаться подле Его Высочества целый день и не быть вышвырнутым, он все же решил дать еще пару ценных советов:

- Возле господина нужно быть предельно внимательным, ни малейшей оплошности, ни единой ошибки. Я говорю это исключительно ради твоего же блага.

Гу Яньлин покорно ответил:

- Понял. Просто чувствую, что мне до вашего мастерства еще очень далеко, и мне стало даже немного стыдно.

Ли Юфу удовлетворенно заметил:

- Я служу господину уже очень долгое время. Ты не торопись, просто учись, наблюдай за всем и старайся быть расторопнее.

Среди всех его младших евнухов не нашлось ни одного, кто мог бы справиться с этой задачей. Даже те, кто обычно считался довольно смышленным, в присутствии Его Высочества терялись и не могли скрыть своего трепета и страха. Теперь, когда Гу Яньлин каким-то образом попал в поле зрения Его Высочества, Ли Юфу, естественно, хотел наставить его на правильный путь.

- Я обязательно буду внимательнее, - сказал Гу Яньлин. - Кстати, я заметил, что у

ароматического мешочка господина совсем выветрился запах, поэтому я сделал новый. Не забудьте поменять его.

С этими словами Гу Яньлин, сохраняя абсолютно невозмутимый вид, достал из кармана новый мешочек и передал его евному.

Ли Юфу принял его и уточнил:

- На этот раз на сколько дней хватит аромата?

Гу Яньлин ответил:

- В этот раз я обошелся без всяких хитростей, так что запах продержится ровно столько, на сколько положено. Я уже извинился перед господином.

Ли Юфу не стал с ним спорить и сообщил:

- Скоро господин пойдет купаться. Пойдешь со мной, посмотришь, как именно нужно прислуживать в такие моменты, чтобы в будущем не совершить ошибку.

Гу Яньлин уже собирался уходить и совершенно не горел желанием помогать господину принимать ванну. Сейчас его впечатление об этом «господине» резко ухудшилось, и он всерьез опасался, что тот настолько неразборчив в людях, что может даже на него положить глаз. Поэтому он поспешно и картинно схватился за живот:

- Ой, ой-ой... боюсь, не получится. Кажется, я отравился на ужине!

- Больше не могу, совсем не могу, мне срочно нужно в уборную!

Ли Юфу лишь разочарованно махнул рукой.

Гу Яньлин, притворно сгибаясь от боли и держась за живот, поспешно побежал прочь. Вернувшись в свою комнату, он немедленно начал собирать вещи. Вещей у него было совсем немного - несколько баночек да склянок. Пришел он с одним узелком, и уходить намеревался с одним. Пользуясь густой ночной темнотой, он осторожно направился к боковой калитке. Днем ее строго охраняли, и для любого входа или выхода требовались веские объяснения, а ночью она была наглухо заперта. Гу Яньлин потерял руки в предвкушении свободы и уже собирался перелезть через стену, как вдруг прямо позади него раздался строгий голос:

- Кто идет?!

Прежде чем он успел среагировать, Гу Яньлина окружили патрульные стражники. Резкий свет фонаря выхватил его лицо из темноты, и кто-то из солдат тут же узнал его, после чего поспешил бежать звать командира Чана.

Гу Яньлин не ожидал такой катастрофической неудачи - кто бы мог подумать, что ночью здесь будет столько патрульных! Раньше он видел подобную охрану только возле поместий самых важных персон.

Чан Фэн, услышав новость, быстро подошел и увидел Гу Яньлина, который сидел на земле, прижимая к себе большой узел с вещами:

- ...Юаньбао, что ты здесь делаешь в такой час?

- Брат Чан Фэн, у меня... у меня отец тяжело болен! - выпалил Гу Яньлин, отчаянно надеясь, что эта ложь сработает и Чан Фэн его отпустит. - Да, я очень спешу домой, чтобы навестить его!

Даже если Чан Фэн и хотел проявить сочувствие и отпустить друга, он не мог этого сделать на глазах у всего караула, так как был связан долгом службы:

- Юаньбао, об этом нужно обязательно доложить господину.

Гу Яньлин был готов разрыдаться от бессилия и досады.

Знал бы он, что всё обернется таким провалом, он бы не возвращался в поместье, а ушел сразу. Захотел проучить высокомерного человека, а в итоге сам попался в ловушку!